

ЖАНР ЗАГАДКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ТУВИНЦЕВ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия;
email: zhanna-yusha@yandex.ru; ORCID 0000-0002-4076-4553

В статье в сравнительно-сопоставительном плане анализируются загадки тувинцев Китая, России и Монголии, рассматриваются их общие и отличительные особенности. Семантическая наполненность жанра загадки в анклавных традициях тувинского фольклора, а также их прагматика соответствуют идентичным жанрам материнской традиции. Совпадают их общая идейно-тематическая направленность, структура и содержание. В большинстве случаев тувинские загадки сохраняют устойчивую форму, но в то же время в зарубежных традициях отмечаются черты этнолокальной специфики, «вибрирование» фольклорных текстов в рамках общетувинской традиции на уровне лексики.

Ключевые слова: тувинский фольклор, тувинцы России, Китая и Монголии, жанр загадки, вариативные различия, материнская и анклавная традиции.

THE GENRE OF RIDDLE IN FOLKLORE OF THE TUVANS OF RUSSIA, CHINA, AND MONGOLIA

Zh. M. Yusha

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia;
email: zhanna-yusha@yandex.ru; ORCID 0000-0002-4076-4553

The article analyzes the riddles of Tuvans of China, Russia, and Mongolia in a comparative way, and examines their common and distinctive features. The semantic content of the riddle genre in the enclave traditions of Tuvan folklore, as well as their pragmatics, correspond to the identical genres of the mother tradition. Their General ideological and thematic orientation, structure and content coincide. In most cases, Tuvan riddles retain a stable form, but at the same time, foreign traditions show features of ethnocultural specificity, “vibration” of folklore texts within the framework of the General Tuvan tradition at the level of vocabulary.

Keywords: Tuvan folklore, Tuvans of Russia, China and Mongolia, genre of riddles, variational differences, mother and enclave traditions

В тувинском фольклоре жанр загадки (*тывызык*, *дывызык*) имеет свои характерные особенности, присущие только общетувинской традиции. Главное различие состоит в том, что, в отличие от загадок других тюрко-монгольских народов, в тувинской традиции отгадывающий спрашивает примерную «тематику» загадки. Так, у российских тувинцев при затруднении отгадывания загадки спрашивают *баажызы чүүде?* (букв. ‘по какой тематике?’), подсказка в чем?), у китайских тувинцев

просят то же самое: *бичии чоокишлат* (букв. ‘сделай чуть поближе’) или *түрүн айыт* (букв. ‘укажи вид’). Например, загадывающий у китайских тувинцев давал краткий разъясняющий ответ: *Өгдө бар чүве* (то, что есть дома или в юрте), *малдың бириси* (один из домашних животных), *бир түрлүг аң* (один из видов зверей), *ижер чүве* (из напитков), *чиир чүве* (из еды) [Юша, 2018, с. 101]. Такие же подсказки использовались при отгадывании загадок и монгольскими тувинцами. Подсказки при

отгадывании загадок наблюдаются у всех этнокультурных групп тувинцев, но это явление не характерно для других тюрко-монгольских народов. Во всех исследованиях, посвященных жанру загадки у тюрко-монголов, в частности у алтайцев, хакасов, шорцев, бурят, калмыков, монголов, нет ни единого упоминания о том, что отгадывающий спрашивает примерную «тематику» загадки.

В тувинском фольклоре исследователи по способу художественной образности выделяют пять видов загадок: метафорические (*метафоралыг*), триадные (*үш дөстүг*), задачные (*бодалга*), с юмором (*баштактаныг*), с поручением (*даалганың*) [Тыва улустуң аас чогаалы, 1976, с. 116–119]. Из перечисленных типов у зарубежных тувинцев часто встречаются метафорические загадки, редко – триадные, отсутствуют загадки с поручением и задачные.

В жанре загадок у всех тувинских групп выделяются следующие основные тематические группы: загадки о небесных явлениях (звезды, Луна, Солнце), о природных явлениях, о человеке (органы зрения, части человеческого тела, физиология), о традиционном жилище и пище, о хозяйственных занятиях, об утвари и одежде, о животных и насекомых.

В тувинских загадках о небесных явлениях наблюдается уподобление загадываемого предмета с привычными человеку вещами. Загадки этой темы в плане структурной организации текста и семантики идентичны, хотя на лексическом уровне могут быть вариативные различия. Например, тувинцы Китая луну сравнивают с обувью человека: *Дош үстүнде дойтук² чыдыр (ай)*. – ‘На льду стоптанное лежит’ (луна) [Личный архив Ж. Юша, инф. Солонго, зап. 2010 г.]. Либо говорится об уподоблении пище, разлитой на льду: *Дош үстүнде быдаа төктүп каап-тыр (чылдыс³)*. – ‘На льду суп разлили, оказывается’ (звезды) [Личный архив Ж. Юша, инф. Баточур, зап. 2013 г.]. Подобная загадка имеется и у российских тувинцев: *Дош кырында сарыг тараа төктү берди (сылдыс)*. – ‘На льду пшено рассыпалось’ (звезды) [Тыва улустуң аас чогаалы, 1976, с. 123, пер. наш]. Схожие представления о звездах имеются и у монгольских тувинцев: *Дош кырында сарыг быдаа (чылдыс)*. –

‘На льду пшено [рассыпалось]’ (звезды) [Мөңгүн дагша, 2014, с. 127, пер. наш].

В текстах загадок часто проявляются признаки скотоводческого уклада народа. Так, о физиологических особенностях человека загадывают с помощью сравнения с домашними животными, среди которых активно используется образ коня. Например, о глазах человека во всех тувинских группах говорится одинаково, текст этой загадки имеет устойчивую форму. Ср. у китайских тувинцев: *Ала чаваам хыл кажсаалыг (карак)*. – ‘Моя пегая кобыла имеет волосяной скотный двор’ (глаза) [Личный архив Ж. Юша, инф. Бубаяк, зап. 2010 г.]; у монгольских тувинцев: *Ала чаваам хыл кажсаалыг (карак)*. – ‘Моя пегая кобыла имеет волосяной скотный двор’ (глаза) [Личный архив Ж. Юша, инф. Оуюнцэцэцэг, зап. 2019 г.]; у российских тувинцев: *Ала чаваам хыл кажсаалыг (карак)*. – ‘Моя пегая кобыла имеет волосяной скотный двор’ (глаза) [Личный архив Ж. Юша, инф. Чамзырын М. Ч., зап. 2016 г.].

Образ коня применяется и при загадывании охотничьих принадлежностей. Так, тувинцы Китая с помощью образа коня и звукоподражательных слов, имитирующих звук выстрела, загадывают об охотничьем ружье: *Буурул атым⁴ «бурт» деди, / Бурган-теңгри «чирт» деди (боо)*. – ‘Седой мой конь «бурт» сбежал, / Бурган-небо «чирт» всколыхнулось’ (ружье) [Личный архив Ж. Юша, инф. Кендинчап, зап. 2011 г.].

В материнской и анклавных традициях в загадках внимание уделяют и грязи, попавшей под ногти человека. Используя понятные скотоводам образы, грязь уподобляется домашним животным: овце, ягненку и др. *Паи алдында / Кара хой чыдыр (дыргак алдында хир)*. – ‘На дне котла / Черная овца лежит’ (грязь под ногтями) [Личный архив Ж. Юша, инф. Мандыл, зап. 2012 г.]. Вариант российских тувинцев звучит следующим образом: *Калбак хая алдында кара хураган*. – ‘Под широкой скалой лежит черный ягненок’ (грязь под ногтями) [Тыва улустуң тывызыктары, 2011, с. 45, пер. Ж. Юша].

Большое количество загадок посвящено тематике жилища. В основном в них загадываются необходимые атрибуты жилища (пояс юрты, дверь жилища, стропила юрты, решетки юрты и др.),

² Диал., лит. форма *майтак идик*.

³ Диал., лит. форма *сылдыс*.

⁴ Диал., лит. форма *аът*.

описываются основные и второстепенные признаки загадываемого предмета. В нижеприведенных текстах у тувинцев трех этнолокальных групп загадки о жилище совпадают в содержательном плане. О традиционном жилище – войлочной юрте – у китайских тувинцев загадывают: *Сен бо уйнан чору, / Мен бо уйнан чорууйн / Иелевис угу-ду аксында карыжыыкай (өгнүң куру)*. – ‘Ты с той стороны иди, / Я с этой стороны пойду, / Вместе возле двери встретимся’ (пояс юрты) [Личный архив Ж. Юша, инф. Бубаяак, зап. 2011 г.]. У монгольских тувинцев: *Сен мунуун чор, / Мен дуунуун чоруур мен, / Ийилээн Билуутунун аксынга харгы-жаалы* – ‘Ты с этой стороны иди, / Я с той стороны пойду, / Вместе встретимся возле устья Билууту’ [Мөңгүн дагша, 2014, с. 120].

Вариант этой же загадки зафиксирован на территории Тувы, в котором отражаются лексические особенности речи российских тувинцев: *Сен дуу хемнеп бат, / Мен дуу хемнеп бадайн, / Ийилээ Чалыы хемге ужуражыыл (өг куру)* – ‘Ты с той реки спускайся, / Я с этой стороны спущусь, / Вместе на реке Чалыы встретимся’ (пояс юрты) [Тыва улустун тывызыктары, 2011, с. 176, пер. наш].

В загадках дверь в жилище обычно описывается метафорическим образом, тексты, загадывающие про дверь, имеют одинаковое построение фраз. У китайских тувинцев: *Үнсе, үне калбаиш, / Кирсе, кире калбаиш (эжик)*. – ‘Выходишь – за тобой выходит, / Заходишь – с тобой входит’ (дверь) [Личный архив Ж. Юша, инф. Кенже, зап. 2011 г.]. У монгольских тувинцев: *Үне калбаиш, / Кире калбаиш (эжик)*. – ‘За тобой выходит, / С тобой входит’ [Алдын дагша, 1993, с. 48]. Вариант этой же загадки присутствует и в материнской традиции: *Үнерде, үне калбаиш, / Кирерде, кире калбаиш (эжик)*. – ‘Выходишь – за тобой выходит, / Заходишь – с тобой входит’ (дверь) [Тыва улустун аас чогаалы, 1976, с. 124, пер. наш].

Одинаково описывается у тувинцев России и Китая интерьер жилища – низкий столик, стоящий на почетном месте юрты: *Дөрбелчин боттуг, / Дөрт буттуг (ширээ)*. – ‘Сам квадратный, / С четырьмя ногами’ (столик); *Дөрбелчинниг дөрт бут (ширээ)*. – ‘Четыре квадратные ноги’ (стол) [Личный архив Ж. Юша, инф. Солонго, зап. 2010 г.].

В фольклоре зарубежных тувинцев в текстах загадок расписываются даже мельчайшие детали юрты, что не встречается у российских тувинцев. О решетке юрты китайские тувинцы загадывают: *Мың оолдуң кыдасы дүктүг (уну адаан чеп-биле баглааны)*. – ‘У тысячи парней попа волосатая’ (решетки юрты снизу повязаны волосяной веревкой) [Личный архив Ж. Юша, инф. Батыочур, зап. 2012 г.]. Вариант этой же загадки присутствует у монгольских тувинцев: *Чус хоочуннуң кыдазы дүктүг (унунуң салдыргазы)*. – ‘У ста пожилых женщин попа волосатая’ (решетки юрты снизу повязаны волосяной веревкой) [Личный архив Ж. Юша, инф. Оуюнцэцэцэг, зап. 2019 г.].

Загадки о животных и насекомых, адресованные младшим, имеют познавательную функцию в общетувинской традиции – кит. тув.: *Тып, тып, / Дылым бажы сөөлдүг (кодан кулааның каразы)*. – ‘Найди, найди, / На кончике языка имею бородавку’ (ушки зайца, на кончике которых есть черная шерсть) [Личный архив Ж. Юша, инф. Хунсаа, зап. 2011 г.]; рос., монг. тув.: *Тып-тып, / Дылым бажы сөөлдүг (кодан кулааның каразы)*. – ‘Найди, найди, / На кончике языка имею бородавку’ (ушки зайца, на кончике которых есть черная шерсть) [Личный архив Ж. Юша, инф. Оуюнцэцэцэг, зап. 2019 г.].

В то же время эта же загадка, имеющая одинаковое оформление, у тувинцев России и Монголии может иметь и другие варианты, в которых предполагается другой ответ. Ср. у рос. тув.: *Тып-тып, / Дылым бажы шившикилиг (инек дылы)*. – ‘Найди, найди, / На кончике языка имею сыпь’ (язык коровы); у монгольских тувинцев: *Тып-тып – дылым бажы соолдуг / Тыппазан, бодун караа согурайар (Ас, оон кудуруунун каразы)*. – ‘Найди, найди, – на кончике языка имею бородавку. / Если не отгадаешь, у тебя глаза ослепнут’ [Алдын дагша, 1993, с. 45, пер. наш].

Тувинцы Китая и Монголии отличительным признаком пчелы считают издаваемые ею звуки, поэтому это качество пчелы используется для загадывания как основной акцентирующий признак. У китайских тувинцев: *Эргек дег боттуг, / Ээн далай ытттыг (ары)*. – ‘Сам с мизинец, / А шумит как бурлящее море’ (пчела) [Личный архив Ж. Юша, инф. Синхуа, зап. 2010 г.]; у монгольских тувинцев: *Эргегче боттуг, / Ээр далай ыдтыг,*

/ *Сугеже боттуг*, / *Сур далай ыыттыг (ары)*. – ‘Сам с мизинец, / Как бурлящее море шумит, пчела / Сам размером с топор, / Как грозное море шумит’ [Алдын дагша, 1993, с. 45].

У зарубежных тувинцев также оригинальным способом загадывают о пуговице национальной одежды, которая находится на левой груди человека. У тувинцев Китая: *Даг черде тарбаган калды (топиу)*. – ‘На гористой местности тарбаган остался’ (пуговица на национальной тувинской одежде) [Личный архив Ж. Юша, инф. Мааны, зап. 2011 г.]. У монгольских тувинцев: *Арт кырында / Адыг монныт чыдыр*. – ‘На перевале / Медведь повесился’ [Мөңгүн дагша, 2014, с. 116]. Эта же загадка у китайских тувинцев имеет и другие варианты: *Даг черде тарбаган / Моңунп кааптур (топиу)*. – ‘На гористой местности / Тарбаган повесился’ (пуговица на национальной тувинской одежде) [Личный архив Ж. Юша, 3, инф. Батыочур, зап. 2013 г.].

В загадках часто находят отражение и природные явления, которые идентично описываются во всех тувинских фольклорных традициях. Ср. у китайских тувинцев: *Арганың иштинде ак баштыг хоочун олур (төжөк бажында хар)*. – ‘В лесу белоголовая женщина сидит’ (снег на пне) [Личный архив Ж. Юша, инф. Бубаяк, зап. 2010 г.]; у российских тувинцев: *Аргада ак баштыг ашак олур (төжөк бажында хар)*. – ‘В лесу белоголовый старик сидит’ (снег на пне) [Тыва улустун тывызыктары, 2011, с. 31, пер. наш]; у монгольских тувинцев: *Арга иштинде ак баштыг ашкак олур (төжөк)*. – ‘В лесу белоголовый старик сидит’ (пень) [Алдын дагша, 1993, с. 42, пер. наш].

У зарубежных тувинцев интересно описание в загадках пестрой масти у скота, имея в виду пятна на шкуре животных: Китайские тувинцы: *Тиг чок холбаашкын (ала мал)*. – ‘Соединение без швов’ (пестрый домашний скот) [Личный архив Ж. Юша, инф. Батыочур, зап. 2012 г.]. У тувинцев Монголии: *Даарашкы чок тарлан-шокар (малдын алазы)*. – ‘Без швов пестрое’ (пестрый скот) [Мөңгүн дагша, 2014, с. 126]. У российских тувинцев такое описание обычно употребляется только в отношении звездного неба: *Тиш чок алдын торгум (сылдыстыг дээр)*. – ‘Золотой шелк, соединенный без швов’ (звездное небо) [Лич-

ный архив Ж. Юша, инф. Чамзырын М. Ч., зап. 2016 г.].

В локальной традиции тувинцев Китая в памяти современных носителей триадных загадок намного меньше, но можно говорить об их присутствии в прошлом. Примером этой разновидности является следующая загадка, где каждая строка подразумевает конкретный предмет и требует три разных ответа. Например, о кедровом орехе загадывают следующим образом: *Адазы адыгыр / Иези эдигир / Оглу чаг чумур (карбык, сай, эмил)*. – ‘Отец – лохматый, / Мать – с обильным молоком, / Сын – мягкий, как сало’ (шишка, скорлупа, ядро ореха) [Личный архив Ж. Юша, инф. Иркин, зап. 2013 г.].

Подобные загадки, требующие разных ответов, распространены и в фольклорной традиции российских тувинцев. Композиционная структура этих загадок состоит из разных элементов. Встречаются в форме двучленной, даже семичленной структуры, метафорический смысл которых должны разгадать несколькими ответами. Например, рождение и взросление человека, а также его биологическая смерть загадываются следующим образом: *Дуне када бүшкүйүп аар, / Даң бажында кулбурап кээр, / Эртен көжээ дег олурар, / Биче дүштите дөрт даяактаар, / Дүштите ийи буттаар, / Кежээ үш буттаар, / Дун каксы чыдыптар (кижиниң ие иштинге чоррууру, төрүттүнүп кээри, олуруптар анаары, чажында үңгээри, өзүп келгеш кылаштаары, кыраанда даянгыыштыг чорууру, өлүп каары)*. – ‘Ночью согнувшись сидит, / Рано утром встает, / Утром, как каменное изваяние, сидит, / Перед обедом на четвереньках ходит, / В обед на двух ногах ходит, / Вечером на трех ногах ходит, / На ночь засыпает’ (внутриутробное развитие, его рождение, когда младенец может сидеть, когда он ползает, ходьба человека, человек в старости, смерть человека) [Тыва улустун тывызыктары, 2011, с. 58, пер. наш].

Схожие триадные загадки, имеющие одинаковую композиционную структуру, в которой каждая строка имеет ответ, характерны и для монгольских тувинцев: *Дөрт кижжи малгаиш чуурду, / Ийи кижжи ыракта кайгады, / Ийи кижжи харыыл болду / Бир кижжи сээк хоюсту, / Бир кижжи сиген хадыды (тевениң дөрт буду, ийи караа, ийи мөгени, куду-*

руу, аксы). – ‘Четыре человека грязь месили, / Два человека издали смотрели, / Два человека стражами были, / Один человек от мухи отмахивался, / Один человек траву косил’ (четыре конечности верблюда, два глаза, два горба, хвост, рот) [Алдын дагша, 1993, с. 44].

Кроме этого, у тувинцев России и Монголии имеется и другая группа триадных загадок, имеющих другую структуру. В них на один вопрос должны дать три ответа, выступающих как средства осмысления и познания окружающего мира. Ср. у российских тувинцев: *Делегейде үш ак (өззерде диги ак, өлүрде сөөгү ак, кырыырда бажы ак)*. – ‘Три белых на свете’ (при взрослении белые зубы, после смерти белая кость, в старости белые волосы) [Тыва улустуң аас чогаалы, 1976, с. 117, пер. наш]; у монгольских тувинцев: *Өртемчейде үш ак чүве чүл? (өззерде сөөк ак, өззерде диги ак, кырыырда баш ак)*. – ‘Три белых что есть на свете?’ (при взрослении кости белые, при взрослении зубы белые, в старости белые волосы) [Мөңгүн дагша, 2014, с. 124. пер. наш]. Во время наших полевых исследований нам не удалось зафиксировать триадные загадки у тувинцев Китая. Возможно, такие загадки не сохранились в памяти современных носителей традиции, поскольку жанр загадок выходит из активного употребления даже среди пожилых людей. Схожие тексты характерны и для триадных загадок бурятского фольклора: Три белых на свете (у состарившегося волосы белые, / у умершего кости белые, / у растущего зубы белые) [Бардаханова, 1992, с. 160].

Система жанров фольклора тувинцев России, Китая и Монголии демонстрирует единую общетувинскую фольклорную традицию. Совпадают их общая тематическая направленность, вариативность, структура и содержание. Семантическая наполненность жанра загадки у зарубежных тувинцев, а также их прагматика соответствуют материнской традиции. Однако в анклавных традициях отмечаются небольшая этнолокальная специфика и «вибрирование» фольклорных текстов, наблюдаемых на уровне семантических и лексических особенностей, по отношению к материнскому полю. В то же время в редких случаях в загадках монгольских и российских тувинцев, несмотря на их идентич-

ное языковое и структурное оформление, ответы могут отличаться, что может говорить о начавшихся признаках самостоятельного функционирования фольклорных образцов внутри каждой локальной традиции. К сожалению, отмечу, что в последние годы у всех тувинских этнолокальных групп функционирование загадок и традиция их загадывания постепенно уходит в прошлое. Однако у тувинцев России и Монголии, у представителей среднего и молодого поколения зафиксированы случаи исполнения книжного фольклора.

Литература

- Алдын дагша.** Сенгел тываларының аас чогаалы (Золотая пиала. Фольклор центгельских тувинцев Монголии) / сост. З. Гагааолу. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1993. 94 с.
- Бардаханова С.С.** Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука, 1992. 238 с.
- Мөңгүн дагша:** Сенгел тываларының аас чогаалы болгаш чечен чогаалы = Серебряная пиала. Фольклор центгельских тувинцев / сост. У.А. Донгак. Улаанбаатар-Кызыл, 2014. 263 с.
- Тыва улустуң аас чогаалы** = Очерки тувинского фольклора. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. 181 с.
- Тыва улустуң тывызыктары.** Аас чогаалынын тураскаалдары = Тувинские загадки. Памятники фольклора / сост. А.Т. Дугаржап. Кызыл, 2011. 255 с.
- Юша Ж.М.** Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

References

- Aldyn dagsha.** Sengel tyvalarynyng aas chogaaly (Zolotaya piala. Fol'klor sengel'skikh tuvintsev Mongolii) / sost. Z. Gagaaoglu. Kyzyl: Tyvaning nom ündürer cheri, 1993. 94 pp.
- Bardakhanova S.S.** Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora. Novosibirsk: Nauka, 1992. 238 pp.
- Mönggün dagsha:** Sengel tyvalarynyng aas chogaaly bolgash chechen chogaaly = Serebryanaya piala. Fol'klor sengel'skikh tuvintsev / sost. U.A. Dongak. Ulaanbaatar-Kyzyl, 2014. 263 pp.
- Tyva ulustung aas chogaaly** = Ocherki tuvinskogo fol'klora. Kyzyl: Tyvaning nom ündürer cheri, 1976. 181 pp.
- Tyva ulustung tyvyzyktary.** Aas chogaalynyn turaskaaldary = Tuvinskie zagadki. Pamyatniki fol'klora / sost. A.T. Dugarzhap. Kyzyl, 2011. 255 pp.
- Yusha Zh.M.** Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika. Novosibirsk: Nauka, 2018. 400 pp.